

Т.А. Прохорова

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Победа Российской империи над Османской Портой и присоединение Крыма к России в 1783 г. положили начало его планомерному изучению. Широкая научная общественность «проявила интерес к истории легендарной Тавриды»¹. Сведения о Крыме, оставленные нам древними греками, с интересом изучали путешественники I пол. XIX в. Это повлекло странствующих русских и европейцев по следам Геродота, Страбона, Плиния и Помпония Мелы, что неизбежно приводило их в Крым². Первыми его исследователями были ученые Академии наук, которые имели сугубо научный интерес. В 1781–1782 гг. академическая экспедиция В.Ф. Зуева (1754–1794) отправилась на изучение Херсонского края и Крыма³, в 1785 г. экспедицией Академии наук во главе с «обсерватором титулярным советником» Ф. Черным определены точные географические координаты наиболее крупных городов Крыма – Перекопа, Евпатории, Севастополя, Феодосии⁴.

Физическое описание Таврической области подготовил ее вице-губернатор К.И. Габлиц (1752–1821)⁵. В 1783–1784 гг. опись побережья Крыма от Тарханкута до Боспора Киммерийского проводил капитан 2-ого ранга И.М. Берсенев⁶; его дело продолжил И.И. Биллингс (1761–1806), в 1797–1798 гг. составив описание берегов Черного моря в районе Тендры, Очакова, Одессы и устья Днестра⁷. Венцом академических исследований Крыма стало путешествие и работа П.С. Палласа (1741–1811)⁸.

Экспедиции поначалу были посвящены фиксации памятников, затем они сменились поездками по разысканию предметов древности – экспедиции графа А.С. Уварова и Леонтьева на место древнего Танаиса и в Херсонес, раскопки князем Сибирским курганов в Феодосии⁹. Вслед за ними в Крым ехали путешественники ради новых впечатлений, оставившие сентиментальные заметки о полуострове (П.И. Сумароков (1767–1846), В.В. Измайлов (1773–1830)¹¹, П.П. Свиньин (1787–1839)¹²).

¹ Несмотря на столь запоздалый интерес, очень быстро возникла необходимость систематизировать написанные труды. Именно этой цели служило универсальное исследование А.И. Маркевича (См.: *Маркевич А.И.* Taurica: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще: В 3 вып. // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–395; 1898. № 28. С. 92–189; 1902. № 32/33. С. 47–128).

² *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 3–114.

³ *Зуев В.Ф.* Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787.

⁴ *Курис И.* Астрономическое положение городов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881. Т. 12. С. 427–430.

⁵ *Габлиц К.* Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. Симферополь, 1795.

⁶ *Аркас В.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его: Описание Херсонеса // ЗООИД, 1848. Т. 2. С. 254.

⁷ *Масленников Б.* Морская карта рассказывает. Москва, 1986. С. 247; *Половцев А.А.* Русский биографический словарь. Т. 3. – Бетанкур—Бякстер. СПб, 1908. С. 37–38.

⁸ *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

⁹ *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 136.

¹⁰ *Сумароков П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: В 2 т. СПб., 1803–1805. Т.1. 1803. 226 с.; Т.2. 1805. 244 с.

¹¹ *Измайлов В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: Новое издание, переработанное автором. М., 1805.

Богатая древними памятниками земля Тавриды, открытая для русских, притягивала к себе и европейских путешественников. По примеру Иосифа II Габсбурга, который вместе с Екатериной II совершил экскурсию по Крыму в 1787 г., увидеть этот образ Новой России приезжали многочисленные иностранцы. В начале XIX в. полуостров посетил английский профессор Эдуард Даниэль Кларк (1769–1822), затем сюда приезжали Форстер (1801 г.), Сифилд (1826 г.), Вебстер (1827 г.), Бруннер (1830 г.), Сен-Совер и Спенсер (1836 г.)¹³. Многие сочинения иностранцев до сих не переведены на русский язык и представляют собой уникальный источник по истории Крыма и его древностей.

Для многих вояжеров поездки не были праздным путешествием. Во время своих туров они изучали историческое прошлое Крыма и вещественные памятники его многовековой культурной жизни. Это началось еще при Г.А. Потемкине, который заботился о разыскании монет и медалей, зарисовке древних надписей. Именно он организовал исследования, проводившиеся Одерико, Бальдани и Габлицем¹⁴. Огромное значение в работе с древними надписями имели труды Л.С. Вакселя¹⁵, В.В. Латышева¹⁶, В.Н. Юргевича¹⁷. Развалины древних городов и зданий, монеты, надписи привлекали внимание образованных людей, попадавших в Крым.

Первое впечатление, которое получали здесь путешественники, заключалось в том, что Крым стремительно входил в новую эпоху, которая пришла на смену турецкому владычеству.

Отечественные вояжеры оценивали это как возрождение полуострова, как «*появление мира там, где еще недавно была пустыня*». Как отмечал Н. Надеждин в 1844 г., XIX век стал временем, когда рушились стереотипы. И если в XVII-XVIII вв. ученые верили в древние тексты, то теперь в современном ему ученом мире появилось больше поводов для сомнений и противопоставлений «мертвой букве»: «*столкнулись скептицизм XIX века и легкомысленный догматизм XVII века*»¹⁸. Ранее, отмечает исследователь, Северное Причерноморье было «*заперто варварством*» с четырех сторон, а теперь Скифия превратилась в Новую Россию, и «*ничто не мешает пригласить древнего гостя на места, ранее некогда им посещенные и описанные, пройтись с ним рука-в-руку, и оставшиеся от него сказания свести с живой действительной природой*»¹⁹.

Иностранные визитеры порою сравнивали Россию со скалой: «*она величавая, прельщающая, но и устрашающая*», это «*гигант, который склонился к ним головою, глядит на них ясными и умными очами, но готов движением всеобъемлющей руки захватить их и стряхнуть с лица земли*»²⁰. Южная Россия это – «*младший птенец монархии, который с каждым годом стремится более и более к усовершенствованию*»²¹. Но чаще иностранцы, в частности, Джеймс Вебстер, склонялись к мысли, что русские это – «*варвары XIX века*», которые своим невежеством искореняют тонкую культуру Востока и древние свидетельства

¹² Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П. П. Свиньиного. СПб., 1839. Ч. 1.

¹³ Мальгин А.В. Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2006. С. 63.

¹⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Киев, 1906. С.129.

¹⁵ Ваксель Л.С. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретенны с древними наименованиями. СПб., 1801.

¹⁶ Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России: С объяснениями В. В. Латышева СПб., 1896.

¹⁷ Юргевич В.Н. Греческая надпись из древнего города Одиссоса // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1868. Т. 5.

¹⁸ Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 114.

²⁰ Княжевич В. Путешествие по Южной-России И. Г. Коля, с эпитафией из Овидия // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 454.

²¹ Там же. С. 455.

прошлых эпох. Такая неоднозначная оценка давалась тому, как строили новые города на руинах старых, как поступали с редкостями, как велись раскопки курганов.

Вследствие того, что время и сменяющиеся владыки края изменили облик полуострова, путешественники гадали о местах расположения прежних городов – Нимфея, Мирмекия, Порфмия, Парфения, Пантикапея. Еще до начала археологических исследований Восточного Крыма П.И. Сумароков сумел локализовать древний Пантикапей на месте Керчи. На эту мысль его натолкнули находки многочисленных древностей. Однако, многие авторы, наоборот, вносят путаницу в историческую географию полуострова. К примеру, маршал Мармон, путешествовавший по Крыму в 1834 г., ошибочно называет Бахчисарай древним Палакионом²². Целая дискуссия разгорелась между Палласом и Келером с одной стороны и Кларком и Сестренцевич-Богушем с другой относительно локализации древнего Киммерииона (последние помещали его на место, где, по мнению первых, был древний Нимфей).

Несомненно, тот факт, что древние города разбирались на камень для возведения новых, значительно осложнял изучение края. Второй проблемой было то, что изыскания путешественников слабо подкреплялись археологическими раскопками. Одним из немногих путешественников, который имел опыт полевых работ, был француз Фредерик Дюбуа де Монпере (1798—1850). Он изучал Южную Россию – Крым, Кавказ и Закавказье и посвятил им свое фундаментальное произведение²³. Древние курганы привлекали внимание путешественника в первую очередь. И в этом прослеживается тенденция: к началу XIX в. в изучении древнего прошлого полуострова, на смену письменным памятникам, приходит исследование археологических.

Первоначальное обследование археологических памятников в Северном Причерноморье осуществлялось, главным образом, любителями, преимущественно из числа чиновников и офицеров, вынужденных по делам службы совершать частые поездки по местам, богатым всякого рода древностями. Однако энтузиазм не мог компенсировать им отсутствие необходимых знаний. Случайные раскопки на месте древней Ольвии, в Херсонесе, на Таманском полуострове превратили обнаруженные артефакты в вещи, лишённые определенного исторического значения. И хотя находки возбуждали в обществе интерес к археологии, привлекали внимание ученых, порождали дискуссии и даже вырабатывали постепенно требования, предъявляемые к археологическим исследованиям, промахи были значительными.

В первой четверти XIX в. раскопки стали субсидироваться правительством, заинтересованным в том, чтобы собрать найденные древности в столице, а не растерять их, ввиду отсутствия в Крыму музеев. В 1818 г. великий князь Михаил Павлович посетил Керчь и осмотрел раскопки П. Дюбрюкса, а в 1820 г. он уже выделил энтузиасту, «*какому-то французцу*», по словам А.С. Пушкина, небольшую сумму денег. П. Дюбрюкс по праву считается первым археологом Боспора Киммерийского и основателем Керченского музея – именно его коллекция легла в основу музейного собрания, именно он продолжал археологические исследования даже при полном отсутствии финансирования.

Крым, богатый археологическими памятниками, открыл теперь свои не только наземные, но и подземные богатства: руины древних городов, оборонительных, жилых, хозяйственных, культовых, погребальных сооружений, а также утварь и оружие. Появляется новая категория людей, которые были движимы далеко не научными интересами, а наживой. Так появилась третья проблема – расхищение находок и камня из древних построек. Путешественники,

²² *Княжевич В.* Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную-Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину, Египет //ЗООИД, 1844. Т. 1.С. 503.

²³ *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: В 6 т. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

приезжающие в Крым, все как один отмечали, что новые города строятся из камня древних строений – так были построены Севастополь, Перекоп, Феодосия, Керчь, и даже Симферополь возводился из камней Неаполя Скифского.

С целью описания памятников старины, *«коих сохранение должно быть поручено губернаторам и местному начальству в Крыму»*, на полуостров был командирован академик Г. Кёлер. Император Александр I предоставил Кёлеру средства для его путешествия в Крым. По его докладам было принято Высочайшее распоряжение *«Об ограждении от разрушения древностей Тавриды»* (1805 г.), запрещающее вывоз антиков за границу. Камень древних построек расхищался с катастрофической быстротой: следы древних стен и фундаментов исчезали буквально на глазах. В 1822 г. было издано распоряжение о сохранении памятников древности в Крыму. На выделенные правительством 10000 рублей в течение последующих 10 лет были устроены два музея: в Керчи и Одессе, выкуплены у коллекционеров монеты и лапидарные памятники, проводились раскопки.

Проблема отсутствия музеев на юге России была далеко не последней. Находки помещались во временные хранилища, а затем отправлялись в столицу. Еще в 1787 г., когда императрица Екатерина Великая приезжала в Николаев, для нее специально привезли из Тмутаракани плиту князя Глеба. Монархиня повелела вернуть камень на место, но вскоре плита оказалась уже в Эрмитаже²⁴. И так происходило со всеми находками – от монет до плит с греческими надписями. Тогда появляется проект И.А. Стемповского, сыгравший огромную роль в сохранении памятников. Он впервые назвал задачи, ставшие программой классической археологии Северного Причерноморья: составление свода известий древних авторов по истории и географии Причерноморья, корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, фиксация всех без исключения памятников, проведение научных раскопок, консервация, реставрация и принятие мер к охране древних памятников, составление планов и чертежей, картографирование археологических остатков.

Руководствуясь этим проектом, М.С. Воронцов в апреле 1825 г. внес Александру I предложение открыть музеи в Керчи и Одессе. Открытие музеев способствовало оживлению археологических исследований и сбору древностей. Парадоксально, но открытие в 1830 г. погребения в кургане Куль-Оба вернуло все *«на круги своя»*: *«блеск золота Куль-обы ослепил царский двор в Петербурге»*²⁵. Несмотря на открытие музея, из находок Куль-Обы в Керчи оставили лишь два медных котла, две поврежденные чаши, обломки железного оружия и деревянных вещей. Остальные находки отправились в Императорский Эрмитаж. Огромное количество вещей было украдено, несмотря на особые охранные распоряжения М.С. Воронцова. Именно поэтому путешественники, приезжающие посмотреть на древности Юга России, не находили в местных музеях оправдания своим ожиданиям. Им следовало оставаться в Петербурге, не совершая авантюрных поездок, чтобы увидеть все величие и богатство античных коллекций Таврики и Северного Причерноморья.

В связи с этим, еще одна проблема, о которой следует упомянуть, – сложность осуществления самой поездки. Для путешественников это была проблема номер один, поскольку в условиях бездорожья и отсутствия сменных лошадей вояж превращался в опасное приключение. Однако пилигримы были готовы к лишениям, находя бивуачный способ путешествия наиболее соответствующим характеру исследуемых мест. Так, например, Кастри де Во, посетивший Крым в 1798 г., не дождался ни смены лошадей, ни даже смотрителя на почтовой станции в Перекопе, поэтому, заночевал в экипаже. Прибыв в Симферополь, он не нашел ни места, где остановиться, ни чиновника, к которому можно обратиться за помощью. Перспектива ночевать на квартире у отставного матроса испугала

²⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды... С. 129.

²⁵ Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 61.

его и заставила просить о ночлеге в доме академика Палласа²⁶. Обстоятельства сложились так, что ему пришлось гостить в доме ученого в течение нескольких дней, что, несомненно, пошло на пользу его знакомству с историей и природой полуострова.

Путешественникам часто приходилось ночевать в домах у русских вельмож. Рост количества дворянских усадеб на Южном берегу Крыма, несомненно, облегчал их странствия. М.С. Воронцов, А.М. Бороздин, Ф.Ф. Вигель и многие другие с радостью принимали у себя гостей. Не одно поколение путешественников повидал на своем веку Бахчисарайский ханский дворец. В татарских деревушках, разбросанных по всему степному Крыму, пилигримы останавливались либо в ханах (татарских гостиницах или, скорее, ночлежках), либо в домах знатных тара (мурз), которые пускали приезжих неохотно – по письму или за деньги. Шарлю Жильберу Ромму и его юным спутникам пришлось спать в Армянском базаре на диване среди пяти или шести татар в доме каймакана Ибрагима Тахчуглу²⁷, а на Южном берегу Крыма они ночевали в домах без стекол и удобств. С назначением М.С. Воронцова генерал-губернатором края инфраструктура стала заметно улучшаться, но значительно ситуация не изменилась. В таких же условиях были и Джеймс Вебстер в 1827 г., и Сен-Совер в 1836 г.²⁸, и Анатолий Демидов в 1837 г.

Однако, несмотря на лишения, в Крым целыми вереницами продолжали ехать путешественники – государственные служащие, писатели, поэты, ученые, искатели приключений и монаршие особы. Таким образом, I половина XIX века стала временем подлинного «открытия» полуострова. Был собран и систематизирован огромный материал, который служит ценнейшим источником по истории, археологии и этнографии Крыма.

²⁶ [Castres le comte de]. Relation d'un voyage sur le bord septentrional de la mer d'Azof et en Crimée, dans la vue d'y établir une colonie d'émigrés; par le comte de Castres, lieutenant du genre, actuellement Marechal-de-Camp d'état-major, l'un des commissaires envoys a cet effet par S.A.S. le prince de Conde. Paris, 1826. P. 293.

²⁷ Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году» / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2011. С. 79.

²⁸ [Saint-Sauveur de]. Exursion en Crimée et sur les cotes du Caucase, au mois de juillet 1836, par le de St-Sauveur, consul de France. Paris, 1837.

Резюме

В статье изучены проблемы, с которыми сталкивались российские и иностранные путешественники, посещая Крым в первой половине XIX в. Учитывая, что в путевых заметках, дневниках, мемуарах и научных трудах этих людей отражен большой (и ныне невозполнимый) пласт информации о древнем и средневековом прошлом полуострова, его архитектурных и археологических памятниках, изучение истории их путешествий представляет собой актуальную историографическую задачу. Автор приходит к выводу, что дальнейшее изучение записок путешественников первой половины XIX в., в том числе малоизвестных, позволит обогатить наши знания об историческом прошлом полуострова, как нового времени, так и древности и средневековья.

Ключевые слова: история, Крым, путешественники.

Summary

Problems which Russian and foreign travelers faced, visiting Crimea in first half XIX century, are studied in this article. In travelling notes, diaries, memoirs and proceedings of these people is reflected big (and nowadays irreplaceable) layer of information on the ancient and medieval past of peninsula, its architectural and archaeological monuments. Travel history studying of these authors is an actual historiographic problem. The author comes to a conclusion that further studying of XIX century first half traveler's notes, including little-known, will allow enriching our knowledge of the historical past of peninsula, both new time, antiquity and of the Middle Ages.

Key words: history, Crimea, travelers.